

Политические идеи графа де Шамбора

Ф. Пишо-Бравар

Университет Западной Бретани, Брест, Франция

Аннотация

В статье рассматриваются политические и этические основания концепции умеренного монархизма графа де Шамбора. Внук Карла X, граф де Шамбор, Генрих V (1820–1883), обладая высоким авторитетом, на протяжении всей жизни олицетворял надежды французских легитимистов на восстановление монархии. В своих трудах он сформулировал полноценную политическую программу, нацеленную на противостояние идеям Революции. Политические идеи графа де Шамбора были наиболее удачным выражением контрреволюционных суждений третьей четверти XIX века. Для восстановления социальной стабильности граф де Шамбор предлагал учредить умеренную христианскую монархию, основанную на пересмотре системы правления, восстановлении местных свобод и стремлении к социальной справедливости, существенному улучшению положения рабочих. Шамбор отвергал макиавеллизм в политике, власть понималась им не как господство, а как служение с целью восстановления гармонии и справедливости. В его представлении власть в государстве должна быть передана сильному государю, который становится арбитром частных интересов и гарантом общего блага. В умеренной монархии должно быть всеобщее избирательное право, но ограниченное трехступенчатой электронной структурой, позволяющей консультироваться с каждым членом по компетентным вопросам, обучать исполнению обязанностей и делать выбор на основе опыта и заслуг. Эта политическая программа столкнулась с противодействием либерально-консервативных кругов, стремившихся не допустить возвращения к власти короля, приверженного Силлабусу папы Пия IX с известными антимодернистскими принципами, и выдвинувших в качестве условия реставрации принятия им демократических и гуманистических «принципов 1789 года». Граф де Шамбор не считал приемлемым приход к власти через компромисс с нравственными убеждениями.

Ключевые слова: политическая философия, контрреволюция, роялизм, реставрация, социальный католицизм, местные свободы, социальная справедливость.

Пишо-Бравар Филипп – доктор права, доцент Университета Западной Бретани, лектор Католического института высших исследований (Ла-Рош-сюр-Йон, Вандея) и Католического университета Запада (Анже).
philippe.pichot@univ-brest.fr

Перевод выполнен на кафедре политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета **Анной Закаровой Саргсян**.

Для цитирования: *Пишо-Бравар Ф.* Политические идеи графа де Шамбора // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 9. С. 70–89.
DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-70-89

The Comte de Chambord's Political Ideas

P. Pichot-Bravard

University of Western Brittany, Brest, France

Abstract

The article analyzes the political and ethical principles of the Comte de Chambord's conception of moderate monarchism. The grandson of Charles X, the Comte de Chambord, Henri V (1820–1883), possessing high authority, throughout his life personified the hopes of the French legitimists for the restoration of the monarchy. In his writings, Chambord formulated a full-fledged political program aimed at opposing the ideas of the French Revolution. The political ideas of the Comte de Chambord were the most developed expression of the counter-revolutionary judgments of the third quarter of the 19th century. To restore social stability, the Comte de Chambord proposed to establish a moderate Christian monarchy based on a revision of the system of government, the restoration of local freedoms, and the desire for social justice, significant improvement in working conditions. Chambord rejected Machiavellianism in politics, he understood power not as political domination, but as service with the aim of restoring harmony and justice. In his view, power in the state should be transferred to a strong sovereign, who becomes the arbiter of private interests and the guarantor of the common good. In a moderate monarchy, there should be universal suffrage, but limited to a three-tiered electoral structure that allows each member to be consulted on competent issues, trained in the performance of duties and to make decisions based on experience and merit. This political program faced opposition from liberal-conservative circles that sought to prevent the return to power of the king who was adherent to the of Pope Pius IX's *Syllabus of Errors* with its well-known anti-modernist principles, and these circles demanded to acknowledge the democratic and humanistic "principles of 1789" as a condition for restoration. However, the Comte de Chambord did not consider morally permissible to come to power through a compromise with ethical convictions.

Keywords: political philosophy, counter-revolution, royalism, restoration, social Catholicism, local freedoms, social justice.

Philippe Pichot-Bravard – Doctor of Law, Associate Professor of the University of Western Brittany; lecturer, Catholic Institute of Higher

Translated into Russian by **Anna Z. Sargsyan** (Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University).

For citation: Pichot-Bravard P. (2020) The Comte de Chambord's Political Ideas. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 9, pp. 70–89. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-9-70-89

Введение

Спустя двести лет со дня рождения графа де Шамбора его личность все еще остается практически неизвестной. На родившегося 29 сентября 1820 года Генриха (Анри) Дьёдонне де Бурбона, герцога Бордосского, которого поэт Альфонс де Ламартин назвал «Дитя чуда», были возложены надежды Дома Бурбонов. Десять лет спустя, в ходе Июльской революции, его дед Карл X и дядя, «мимолетный» король Людовик XIX, были вынуждены отречься от престола в пользу малолетнего Анри. 2 августа 1830 года герцог Бордосский стал юным королем Генрихом V. Через пять дней его сменил кузен Луи-Филипп Орлеанский, Генрих был отправлен в ссылку. Там он получил титул «граф де Шамбор» в честь замка, преподнесенного ему народом.

Не имея возможности управлять страной, Генрих V обрел высокий авторитет, о чем свидетельствуют многочисленные похвалы, опубликованные после его смерти даже теми, кто не разделял его взгляды. Такое уважение было вызвано совершенной согласованностью его действий и мыслей.

Знакомство с графом де Шамбором через дневники, письма и манифесты, адресованные публике, а также через его переписку с другими людьми дает познание его образа мыслей.

Граф де Шамбор придавал огромное значение формированию и защите принципов. В нем не было ни толики оппортунизма, чему свидетельствует письмо, адресованное Филиппу-Мари Жозефу де Карайон-Латуру, депутату-легитимисту от Жиронды, 8 мая 1871 года: «Отказ от принципов – истинная причина наших бедствий. Христианская нация не может безнаказанно разорвать светские страницы своей истории и цепи своих традиций, поставив во главу своей Конституции отрицание прав Бога и запретив всякую религиозную мысль в своем своде законов и государственном образовании. В таких условиях кроме беспорядка ее больше ничего не ждет; она будет постоянно колебаться между цезаризмом и анархией, двумя одинаково постыдными формами языческого

упадка, и не избежит участи народов, неверных своему предназначению» [Chambord 2013, 59].

Этот короткий отрывок раскрывает как важность принципов, которые ценил граф де Шамбор, так и их сущность. Уважение к наследию предков и утверждение верховенства Бога, верность Франции своему христианскому призванию – залог ее возрождения после разрушений революции, которая, по мнению как графа де Шамбора, так и Алексиса де Токвиля, еще не закончилась.

Политические убеждения графа де Шамбора явно контрреволюционны. Они представляют собой стройную концепцию. На фоне нестабильной ситуации в середине века, когда многие политические деятели сдавались перед ветром перемен, как опадающие листья, граф де Шамбор стоял среди них, как монолит. Он намеревался приспособить к реалиям XIX века принципы классической философии, отражавшейся на протяжении восьми столетий в политике династии Капетингов.

У графа де Шамбора была одна цель: противостоять революции, пагубные последствия которой для французского общества он понимал лучше, чем кто-либо другой, настойчиво опираясь на светские принципы христианской политики (раздел 1). Восстановление умеренной христианской монархии, по его мнению, являлось залогом победы над революцией и возвращением гармонии во Францию (раздел 2).

1. Цель – противостояние революции

«Революционный вопрос имеет приоритет над всеми остальными», – отметил граф де Шамбор 31 марта 1854 года. Сознавая всю пагубность революции, он категорически отвергал любой компромисс с революционными настроениями (раздел 1.1), так как было бы бесполезно стремиться примирить мятежный дух со светскими принципами христианской политики, выдвигающими абсолютно противоположные идеи (раздел 1.2).

1.1. Отказ от компромисса с революцией

Революция оставила глубокий след в жизни графа де Шамбора. Когда ему было десять лет, Июльская революция заставила его деда Карла X отказаться от престола и отправиться в изгнание. Эта революция вынудила графа де Шамбора провести большую часть своей жизни вдали от земель своих предков. Она пробудила в нем воспоминания о первой революции 1789 года, жертвами которой стали его двоюродный дед Людовик XVI и двоюродные бабки Мария-Антуанетта и Елизавета, не говоря уже о печальной судьбе его двоюродной бабки Клотильды, изгнанной из Турина армией

Республики. Воспоминания о первой революции все еще тлели в народной памяти. На графа де Шамбора оказали влияние рассказы тетки, герцогини Ангулемской, единственной уцелевшей после заточения королевской семьи в башне Тампль в 1793 году.

Как и Алексис де Токвиль, граф де Шамбор считал, что революции, встревожившие Францию и всю Европу в XIX веке, были лишь последовательными вспышками одной и той же революции, которая началась летом 1789 года.

Весь ход развития революции в Европе: в Испании, Германии и особенно в Италии, его очень сильно беспокоил, о чем свидетельствуют записи в его дневнике. Он все время настаивал на необходимости проявить величайшую стойкость перед лицом революции. Эта стойкость побудила его отвергнуть всевозможные формы революционных проявлений, которые помимо очевидных противоречий подчинялись одной и той же логике – с одной стороны, анархии и цезаризму, с другой – индивидуализму и либерализму, включая также элементы католичества. Вопрос революционной природы либерализма затрагивал епископ Анри Сове, первый ректор Анжерского католического университета: «Либерализм... состоит в более или менее подчеркнутом отрицании зависимости человека от Бога и других людей, которые подпитывают его суверенную власть» [Sauvé 1887, 37]. Либерализм понимался как автономия воли, как политическое выражение «non serviam»¹.

Граф де Шамбор был ревностным католиком. Он был до такой степени религиозным, что даже в своем дневнике писал о набожности. Ежегодно он с особым благоговением отмечал годовщину своего первого причастия. Шамбор любил церковь, для него главным было духовное родство с Христом. Видимо, поэтому граф де Шамбор беспокоился о Папской области, поддерживал преданность папских зуавов², во главе которых прославился его близкий родственник Атаназ де Шаретт. В 1867 году он писал графу де Сен-При: «Все мои мысли сосредоточены на Риме, где мы позволяем разрушить один из величайших даров, когда-либо посланных Франции Господом³. Я говорю о временном суверенитете главы Церкви, о неперменной гарантии его независимости и свободном осуществлении им духовной власти во всей Вселен-

¹ Взятое из перевода Библии на латынь выражение «non serviam» – «не буду служить» (Иер. 2:20) – стало символом неповиновения Богу. – *Прим. пер.*

² Отряд французских пехотинцев, сформированный для защиты Папской области от отрядов итальянских патриотов. – *Прим. пер.*

³ Имеется в виду попытка ввести конституцию в Папской области. – *Прим. пер.*

ной. 18 лет назад мы уже попытались ввести светский режим⁴, за мгновение свергнутый революцией. Мы громко заявили о своем священном праве защищать его от новых нападений⁵, и пока наши солдаты охраняли священный город, революция дрожала перед ними. Но вот они ушли: и что же стало? Если бы другие мысли руководили правительством нашей страны, верной своим национальным традициям и своему славному титулу преемницы (католической. — *прим. пер.*) Церкви, Франция могла бы предложить Святому отцу нечто большее, чем временную поддержку. При ее (Франции. — *прим. пер.*) содействии Пий IX мог бы не бояться своих врагов; он бы спокойно выполнил свою двойную миссию понтифика-короля, и народ был бы уже давно ему обязан за те улучшения, к которым папа привел его, проявив щедрость и отеческую заботу. Сегодня мы, по-видимому, приблизимся к катастрофе с непредсказуемыми последствиями. В опасности не только будущее папского суверенитета. Вплоть до этого момента, лишая главу Церкви светской власти, речь шла лишь о том, чтобы вернуться к блаженной и почтенной нищете эпохи апостолов с целью избавиться от всех земных забот и чтобы он (папа. — *прим. пер.*) мог свободнее осуществлять свою духовную власть. Но теперь ничего не скрывается; через мирскую власть мы стремимся достичь духовную власть, преследуя сами принципы религии и власти. Вскоре логично встанет вопрос о том, чтобы мысль о Боге исчезла из наших законов и судов. Тогда людей будет связывать одна только выгода; правосудие будет не более чем условностью; не будет иного способа добиться его, кроме как силой, и таким образом социальный строй, загубленный до основания, рухнет... Нет, причина временного суверенитета папы не обо-собленна: она касается всех религий, всего общества и свободы. Поэтому мы должны предотвратить его ослабление любой ценой» [Chambord 1880, 255]. В этом письме граф де Шамбор не только напомнил о христианском призвании Франции и дал понять о роли, сыгранной королем Пипином Коротким в зарождении Папской области в VIII веке, но также подчеркнул важность независимости Святого Престола в сохранении западной цивилизации. Граф сомневался в том, что свобода и собственность отдельных лиц могут строго соблюдаться, в то время как игнорируются свобода и собственность Церкви.

Во время публикации папой Пием IX энциклики «*Quanta Cura*» и прилагавшегося к ней Силлабуса («Списка заблуждений») граф

⁴ Революция 1848–1849 годов в Папской области. — *Прим. пер.*

⁵ В 1849 году Наполеон III ввел войска на территорию Папской области по просьбе папы Пия IX. — *Прим. пер.*

де Шамбор не скрывал своего удовлетворения, написав в дневнике 27 декабря 1864 года: «В Риме очень известна Папская энциклика, осуждающая современные ошибки, атеистическое государство, свободу совести и мысли, волю народа против законного права, систему, базирующуюся на фактах, коммунизм и социализм, отрицание права Святого Престола и принципы основных статей Конкордата⁶» [Chambord 2009]. На следующий день граф добавил: «Папа в своей энциклике вспоминает об отлучении от церкви всех тех, кто владел церковным имуществом: за ним следуют 80 пунктов, осуждающих современные ошибки и религиозный либерализм журнала “Le Correspondant”⁷» [Chambord 2009].

Стоит ли вспоминать об этом? Энциклика «*Quanta Cura*» и Силлабус решительно осудили различные аспекты философской современности, возникшие в результате интеллектуальной революции второй четверти XVII века, отмеченной трудами Гассенди, Гоббса и Локка, Бэкона, Галилея и Декарта (см.: [Rouvillois 1996; Pichot-Bravard 2017]). В конечном счете Силлабус раскритиковал практически все философские течения: рационализм, примененный авторами эпохи Просвещения к теологическим исследованиям, которые иногда заходили так далеко, что даже отрицали божественную природу Христа; натурализм, ставший прогрессом в управлении человеческим обществом без учета религии; этатизм, стремившийся к монополии на образование и полное властвование государства над обществом и осуждавший основные принципы, на которых основывались наполеоновские политические институты; социализм, обеспечивавший власть государства над семьей; экономические доктрины, стремившиеся лишь к накоплению богатства; масонство, уже не раз осуждаемое с 1738 года; современный либерализм и релятивизм, происходившие из концепции абсолютной религиозной свободы. Силлабус, адресованный широкой публике, содержал 80 пунктов, которые церковное учение сочло неприемлемыми. Последний пункт вызвал самую бурную реакцию; он отверг следующее положение: «Римский Первосвященник может и должен примириться и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом и современной

⁶ Речь идет о Конкордате Наполеона, соглашении между папой Пием VII и Французской республикой в лице Первого консула, заключенном 15 июля 1801 года; при этом свобода вероисповедания сохранялась, священнослужители назначались и оплачивались государством (предварительно дав клятву верности), а церковь отказывалась от притязаний на возвращение своих земель (конфискованных во время революции), по которому католицизм был объявлен религией большинства французов. – *Прим. пер.*

⁷ Французский католический журнал. – *Прим. пер.*

цивилизацией». Силлабус стал одновременно осуждением принципов, на которых основывались вторичный цезаризм, этатизм и правовой позитивизм, а также либеральных тезисов, сформулированных Шарлем де Монталамбером в речи, которую он произнес годом ранее на католическом конгрессе в Махелене. Если этот пункт был особой мишенью для антиклерикальной прессы, то, по выражению Альбера герцога де Брольи, он вызвал в католических либеральных кругах «всеобщую панику» [Broglie 1938, 311]. В то время как Альбер де Брольи отказался от свободного толкования Силлабуса епископом Дюпанлу, Монталамбер рассматривал публикацию энциклики как личное оскорбление. Более прагматичный граф де Фаллу решил дождаться лучших времен, ничего не меняя в своих либеральных убеждениях. Наполеон III, отметив, что энциклика «содержит принципы, противоположные тем, которые лежат в основе конституции», решил запретить ее публикацию для епископов, позволив антиклерикальной прессе изобразить ее весьма карикатурно: «Долг правительства состоит в том, чтобы предотвратить публикацию доктрин, противоречащих нашему общественному порядку» [Maurain 1930, 710]. Только два священника нарушили запрет: епископ Матьё из Безансона и епископ де Дрё-Брезе из Мулена. Они были немедленно привлечены к ответу перед Государственным советом. Другие епископы ограничились открытыми обращениями к правительству, как, например, преподобный Дони, епископ Монтобана, и преподобный Пие, епископ Пуатье. Большинство епископов из-за либерализма или привязанности к имперскому режиму сохранили молчание в оценке энциклики и Силлабуса, что сбilo с толку многих священников и верующих.

Во Франции реакция, вызванная публикацией Силлабуса, выявила слабые места в единении католиков, сформировавшиеся расколы, которые зародились еще в период Июльской революции, когда иерархичность отделилась от легитимности. С одной стороны, они раскрыли подчиненное положение подавляющего большинства епископата перед политической властью. Из-за режима Конкордата большинство епископов были слугами государства в гораздо большей степени, чем служителями церкви. Это мешало Церкви превратить епископат в мощного посредника, способного донести до верующих религиозное учение, противоречащее интересам правительства. С другой стороны, они не стали навязывать значительной части католической элиты, включая консерваторов и легитимистов, принципы современной философии [Pichot-Bravard 2015]. При этом они обозначили препятствия, с которыми восстановление законной королевской власти должно было столкнуться спустя несколько лет. Именно те, кто не приняли Силлабус в 1865 году, предотвратили воцарение Генриха V в период 1871–1873 годов.

Либеральные католики как со стороны орлеанистов, так и со стороны легитимистов хотели обезопасить себя от возвращения короля, провозглашенного Силлабусом, навязав ему как обязательное условие принятие так называемых «принципов 1789 года», понятия столь же расплывчатого и неопределенного, как понятие «ценности республики» сегодня. Дневник графа де Шамбора наглядно показывает, до какой степени политические игры графа де Фаллу с группой легитимистов подорвали авторитет принца в рядах тех, кто клялся ему в преданности. Символический вопрос «выбора флага»⁸ означал гораздо более глубокую проблему: невозможность примирения христианской королевской власти с революционными ценностями. «Никто ни под каким предлогом не заставит меня согласиться стать лидером, законным королем революции», – писал граф де Шамбор в манифесте от 25 января 1872 года [Chambord 1880, 292]. Примирение с революцией вынудило бы его строить общественные институты на песке меняющихся обстоятельств и противоречивых принципов, не давая выполнить миссию христианского короля, как он ее представлял: обеспечение справедливости и восстановление гармонии во французском обществе. Как отметил Жан де Вигери в своей работе «Две Родины» («Les deux Patries»): «С государством, возникшим в результате Просвещения и революции, мы никогда ничего не сделаем. Вандейцы и граф де Шамбор понимали это. Возможно, однажды и все французы это поймут» [Viguerie 1998, 240].

1.2. Справедливость и гармония

Граф де Шамбор высоко ценил свою миссию. Он не отказывался от возложенных на него обязанностей. Наследник старинного королевского рода обязан был поддерживать справедливость и равенство в обществе. На господстве справедливости должна была, по его мнению, стоять заново открытая гармония французского государства, пострадавшего от гражданской войны.

Быть королем для него означало развивать в себе добродетели, венчающие благородного человека. Письма графа свидетельствуют об этом. Граф де Шамбор чтит преданность Богу, сыновнее почтение, верность, откровенность, справедливость, щедрость, отвагу, силу и милосердие. Политика Генриха V основывалась на

⁸ Нынешний флаг Франции (французский триколор) появился в период Великой французской революции и стал символом республиканской формы правления; при реставрации Бурбонов был введен новый флаг – белое полотнище – символ монархии. – *Прим. пер.*

философии средневековых «княжеских зеркал»⁹, которые руководили поведением христианских королей более тысячи лет. Курс, выбранный Генрихом V, подчеркивал разрыв с макиавеллизмом, отделявшим политику от морали, с учениями Локка и Монтескье, формирующими политику один – на социальном компромиссе, другой – на политической свободе. Все это делалось с целью воссоединиться с идеями Аврелия Августина, определявшего власть как служение, а не господство: «Управляют те, которые заботятся, как то: муж – женою, родители – детьми, господа – рабами. Повируются же те, о которых заботятся, как то: жены – мужьям, дети – родителям, рабы – господам. Но в доме праведного, живущего верою и находящегося еще в странническом удалении от оного небесного града, и управляющие служат тем, кем, по-видимому, управляют. Ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться, и не из гордого своего начальственного положения, а из сострадающей предусмотрительности» [Аврелий Августин 2016, 44].

Важность добродетелей ясно видна в Манифесте от 8 июля 1871 года, в котором граф де Шамбор осуждал революционную пропаганду за необоснованные опасения законной королевской власти. Напротив, он намеревался говорить с народом откровенным, недвусмысленным языком: «Между вами и мной не должно быть недоразумений или скрытых мотивов» [Chambord 1880, 288]. Граф де Шамбор также порицал уличное насилие революционного меньшинства в 1789 и в 1871 году. «Незапятнанное знамя», на его взгляд, не просто белый флаг Первой реставрации¹⁰, но флаг, не запятнанный насилием и преступлениями террора. Однако эти омрачающие факты не помешали графу воздать должное храбрости солдат, отличившихся на полях сражений за трехцветным флагом: «Я искренне поклоняюсь величию французского народа. Под каким бы флагом ни шли наши солдаты, я восхищался их героизмом и благодарил Бога за то, что их храбрость возвеличила славу Франции» [Chambord 1880, 288]. Эти слова пробуждают в памяти прекрасное изречение герцога де Блакаса д'О в 1814 году,

⁹ Зерцало – средневековый дидактический жанр, свод знаний в какой-либо области человеческой деятельности: своеобразные трактаты по этике, порядку, нравственным предписаниям, специально предназначенным для глав государств. – *Прим. пер.*

¹⁰ В истории Франции Первая реставрация Бурбонов состоялась весной 1814 года, после распада Наполеоновской империи, и продержалась до 1 марта 1815 (начало периода «ста дней» Наполеона); Вторая реставрация последовала после окончательного поражения Бонапарта, в июле 1815 года, и продлилась до Июльской революции (1830); флаг при обеих реставрациях был один – белое полотно. – *Прим. пер.*

которое было обращено к бывшим слугам империи, обеспокоенным будущим: «Те, кто, служа Императору¹¹, служили Франции, также служат Франции, служа королю¹²». Граф де Шамбор унаследовал привязанность к белому флагу как долг почтения потомка: «Я не позволю вырвать знамя Генриха IV, Франсуа I и Жанны д'Арк из моих рук... Я получил его как священный дар от старого короля, моего деда, умершего в изгнании; он всегда был для меня неотделим от памяти об утраченной Родине; он развевался над моей колыбелью, и я хочу, чтобы он накрыл тенью мою могилу» [Chambord 1880, 289]. Чувствуя приближение смерти, граф де Шамбор вынужден был попросить Атаназы де Шаретта, чтобы его гроб был задрапирован белым знаменем папских зуавов, растерзанным под пулями битвы при Луаньи¹³. Таким образом он хотел отдать последнюю дань уважения зуавам – рыцарям, нанятым для защиты папы, перед их возвращением во Францию, в которую вторглись прусские войска. Сыновнее почтение, проистекающее для христианина из пятой заповеди: «Почитай отца своего и мать свою», – являет полное соответствие патриотизму, любви к земле отцов и желанию показать свою родину проявлением добродетелей. «Непоколебимой верностью своей вере и своему флагу, защищая саму честь Франции и ее славное прошлое, я готовлю ее будущее», – добавил он 25 января 1872 года [Nouvion, Landrodie 1884, 184]. В раздоре двух Франций¹⁴, замечательно изученным покойным Жаном де Вигери, выбор графа де Шамбора был очевиден. Он отвергал образ абстрактной родины, выдуманной революционерами, заменив его на приверженность идеям, продвигающим традиционную концепцию родины, основанную на исторических корнях и географии [Viguerie 1998].

Справедливость стояла во главе добродетелей графа де Шамбора, он не раз подчеркивал ее важность. В письме, адресованном графу де Сен-При 19 января 1867 года, граф настаивал на своем желании восстановить как «власть, основанную на монархической наследственности, уважаемой в принципе и в своих действиях, без слабости и произвола», так и «верховенство закона» [Chambord 1880, 257]. В письме графу де Карайон-Латуру 8 мая

¹¹ Наполеону I. – *Прим. пер.*

¹² Людовику XVIII. – *Прим. пер.*

¹³ Битва при Луаньи (Луаньи-Люмо-Поупри) состоялась 2 декабря 1870 года в ходе Франко-прусской войны. – *Прим. пер.*

¹⁴ Игра слов: «Les deux Patries» («Две Родины») – название книги Жана де Вигери; «раздор двух Родин», иными словами, двух политических систем: монархии и республики. – *Прим. пер.*

1871 года он заявил: «Я несу только религию, гармонию и мир; и я только хочу осуществить диктатуру милосердия, потому что в моих, и только моих руках, милосердие остается справедливостью» [Chambord 2013, 60]. В письме, адресованном графу де Мену 25 марта 1881 года, он настаивал: «Когда ошибка в тысяче различных форм возникает со всех сторон и среди бела дня, не наш ли долг утверждать закон, справедливость, правду, а честность и честь противопоставить дерзости зла?» [Nouvion, Landrodie 1884, 208].

Острое чувство справедливости питало социальные заботы графа де Шамбора. Он уделял внимание простым людям: пахарям, мастерам и рабочим. Свою волю на избавление рабочего класса от ужасных моральных, телесных и материальных страданий, обрушившихся с началом промышленной революции, он выразил в «Письме о рабочих». «Именно рабочий класс, на полях и в городах, судьба которого была предметом моих глубочайших забот и самых ценных исследований, пострадал больше всего от этого социального расстройств», – настаивал он в Манифесте от 8 июля 1871 года [Les manifestes... 1871, 24]. «Кто обеспечит рабочему классу мир, рабочему – достойную жизнь, доступ к плодам его труда, стабильность в старости?» – риторически вопрошал он в письме от 25 января 1872 года [Nouvion, Landrodie 1884, 185].

Помимо «Письма о рабочих», граф также вдохновлял своих последователей на путь социального католицизма, представителями которого с 1830 по 1840 год были граф де Вильнёв-Баржемон, граф де Мелен и барон Ид де Невиль. Впоследствии в 1870-х и 1880-х годах это учение было дополнено размышлениями и работами графа Ла Тур дю Пена, Мориса Меньяна и графа Альбера де Мена. Граф де Шамбор с большим интересом следил и сопереживал политической борьбе, возглавляемой Альбером де Меном, депутатом от коммуны Понтиви с 1876 года. Не раз он воодушевлял и выражал в письмах одобрение его политике. Примерно в 1880 году вместе с Полем де Кассаньяком Альбер де Мен был одним из двух политиков, к которым граф проявлял наибольший интерес. «Речь, которую вы произнесли в Ване, принадлежит человеку, который, измеряя масштабы социальной опасности, уже столько раз находил в своем патриотизме смелость изобличить настоящее лицо революции и показать, какой должна быть контрреволюция», – писал граф Альберу де Мену 25 марта 1881 года [Nouvion, Landrodie 1884, 207], поздравляя его с речью, которую тот произнес незадолго до этого в бретонском городе Ване. Несмотря на то, что Альбер де Мен поддерживал движение Сплочения¹⁵, он оста-

¹⁵ Политика сплочения католиков-роялистов со светскими республиканцами, которая была обозначена в энциклике папы Льва XIII «Inter

вался верным графу де Шамбору всю свою жизнь. Эту верность, проливающую свет на его политические действия, он выразил 24 августа 1907 года: «Уже как 24 года назад умер граф де Шамбор, и с тех пор у меня больше нет тех политических убеждений. Я все еще остаюсь контрреволюционером, но не знаю, какую форму может принять эта контрреволюция». В глазах Альбера де Мена, как и в глазах де Шамбора, контрреволюция требовала восстановления социальной гармонии, стойкости перед соблазном учреждения мнимой монархии, облаченной в цвета революции, с целью возродить традиционную христианскую королевскую власть.

2. Возрождение традиционной христианской королевской власти

«Французская христианская монархия – это, по сути, умеренная монархия», – заявил граф де Шамбор в манифесте от 5 июля 1874 года [Chambord 1880, 310]. В адресованных французскому народу манифестах 1871–1874 годов он охарактеризовал умеренную христианскую монархию как равновесие. Он стремился восстановить единство страны вокруг монархии, верной своим традициям, оправдывая законные ожидания французов того времени (раздел 2.1). Равенство политических институтов требовало пересмотра порядка представительства – он должен был быть основан на реальной социальной действительности и направлен на достижение общего блага, что подразумевало восстановление местных свобод, подавленных наполеоновской централизацией (раздел 2.2).

2.1. Восстановление умеренной независимой монархии

Заручившись большинством голосов на всеобщих выборах 8 февраля 1871 года, монархисты, легитимисты, орлеанисты и независимые кандидаты обрели возможность на установление Третьей реставрации. Легитимистов насчитывалось немногим более ста восьмидесяти, орлеанистов – около ста шестидесяти, к которым добавилось около пятидесяти монархистов без явных династических предпочтений, таких как генерал Шангарнье. Однако помимо того, что граф де Шамбор не праздновал победу, он остро осознавал трудности, стоявшие на пути восстановления трона: «Ужасы войны никак не изменили страну. Ее пристрастия и устремления по поводу монархии продолжают оставаться революционными», – писал он в своем дневнике 12 февраля 1871 года [Chambord 2009].

Sollicitudines» (1892); иными словами, движение за принятие и присоединение к режиму Третьей республики. – *Прим. пер.*

Следующей весной граф де Шамбор вернулся во Францию после сорока лет изгнания и поселился в замке Шамбор, который был приписан ему еще при рождении. Однако расставленные политическими соперниками препятствия вынудили его покинуть Францию в июле 1871 года. Тем не менее в течение четырех лет (1871–1874) граф не раз обращался к французам в форме опубликованных в легитимистской прессе посланий. Они объясняли, каким будет его правление в случае восхождения на престол предков. Речь идет о манифестах от 8 июля 1871 года, 25 января 1872 года, 5 июля 1874 года, а также об опубликованном в начале ноября 1873 года в газете «L'Union» письме депутату-легитимисту от департамента Нижних Пиренеев Шарлю Шеснелону.

Манифест от 8 июля 1871 года раскрывает ряд важных вопросов: сдерживание монархии двухпалатным парламентом и восстановление местных свобод. «Помогая Богу, мы пойдем вместе, и когда потребуется, на широкой основе административной децентрализации и местных привилегий, правительство будет действовать в соответствии с реальными потребностями страны. Мы дадим гарантию этим общественным свободам, на которые имеет право каждый христианский народ, честно практикуемое всеобщее избирательное право и контроль двух палат, и мы восстановим национальное движение конца прошлого века, вернув ему его истинный характер» [Chambord 1880, 287]. Этот отрывок, как нам кажется, очень похож на письмо, которое Алексис де Токвиль адресовал графу де Шамбору двадцатью годами ранее, 14 января 1852 года. Через месяц после совершенного с целью остаться у власти Луи-Наполеоном Бонапартом государственного переворота, Токвиль, который придерживался традиций и симпатизировал легитимистам, признал, что граф де Шамбор стал бы единственным возможным спасением от возрождающегося цезаризма, при условии гарантии свобод. Чтобы преодолеть предубеждения, которые питала большая часть страны по отношению к старой династии¹⁶, «необходимо, чтобы (граф де Шамбор. — Ф. П.-Б.) представлял в глазах французов неизменную свободу и с самого начала олицетворял дух свободы и достаточных гарантий» [Tocqueville 1951, 467]. Токвиль посоветовал ему «принять твердое и окончательное решение по восстановлению во Франции конституционной представительной монархии, характеризующейся: а) гарантией личной свободы; б) реальным национальным представительством; в) полной свободой и гласностью парламентских

¹⁶ Согласно Токвилю, «старая династия глубоко антипатична большинству стран», поскольку они отвергают старый режим и старые привилегии, которые она символизирует [Tocqueville 1893, 311].

дискуссий; г) подлинной свободой прессы» [Tocqueville 1951, 469]. В итоге речь шла о восстановлении монархии в соответствии с Хартией 1814 года, т.е. монархии, связанной со всеобщим избирательным правом, в рамках которой парламент, противник любой идеи национального суверенитета, мог бы «прежде всего быть крайне ограниченным в своих полномочиях и продолжительности работы». А также монархии, уважающей свободу печати, созданной так, чтобы избежать «злоупотреблений грозной свободой» [Rials 1987, 165].

Монархия, которую намеревался воплотить в жизнь граф де Шамбор, была независимой. Она передавала власть сильному государю, ставя его выше обсуждений и переговоров, чтобы он мог бы стать и арбитром частных интересов, и гарантом общего блага. Он считал, что слабый правитель ничего не сможет сделать для восстановления справедливости в обществе. Он был бы только поручителем, скрывающим схватку интересов, бессильным защитить права самых слабых перед лицом аппетита сильных: «Союз народа и короля позволил французской монархии на протяжении многих веков расстраивать расчеты врагов короля и поработителей народа», – вспоминал он в манифесте от 5 июля 1874 года [Dubosc de Pesquidoux 1887, 137].

Это основная причина, как нам кажется, непримиримости графа с условиями, которые либеральные консерваторы, орлеанисты и легитимисты, пытались ему навязать: «Претензии сегодня дают мне понять требования завтрашнего дня, и я актом слабости не могу дать согласие на начало укрепляющего и сильного правления... Нам вместе предстоит большая работа... Вот почему я хочу быть тем, кем являюсь. Будучи ослабленным сегодня, завтра я уже буду беспомощен. Речь идет ни о чем ином, как о восстановлении глубоко обеспокоенного общества на естественных основаниях, на обеспечении господства закона, возрождении внутреннего процветания, заключении прочных внешних союзов, и прежде всего не боязни применения силы на службе порядка и справедливости», – писал он Шеснелону осенью 1873 года [Dubosc de Pesquidoux 1887, 123].

Однако монархия, которую намеревался воплотить граф де Шамбор, была бы не абсолютной монархией, возродившей давно разрушенные политические институты, а умеренной монархией, стремившейся к балансу между независимостью короля – главы государства – и представительством населения, объединившегося вокруг него предпринятыми усилиями для достижения общего блага: «Бог мне свидетель: в моем сердце только одна страсть – счастье Франции. У меня есть только одно стремление – участвовать в работе по восстановлению, которая не может быть

исключительной работой партии, она требует лояльной поддержки и самоотверженности», – заявил он 25 января 1872 года [Nouvion, Landrodie 1884, 185].

«Я ищу в представителях нации внимательных помощников для изучения вопросов, находящихся под их контролем, но я не хочу бесплодных парламентских баталлий, в которых суверен слишком часто оказывается бессильным и ослабленным. И если я не приемлю формулу иностранного импорта, которую отвергают наши национальные традиции, с королем, который царствует, но не правит, я снова чувствую себя в совершенном сообществе с желаниями огромного большинства, которое ничего не понимает в этих выдумках, кто устал от этой лжи», – добавил он 5 июля 1874 года [Chambord 1880, 312].

«Это самоотверженное состязание» потребовало пересмотра правил представительства, чтобы не допустить его монополизации интеллектуальными кругами.

2.2. Учреждение представительства на основе местных свобод

Размышления графа де Шамбора о сложном вопросе представительства сочетались с желанием ликвидировать якобинскую централизацию, признанную Наполеоном Бонапартом по принятому в плювиозе VIII года (17 февраля 1800 года) закону, и восстановить местные свободы, подавленные после революции. Рассуждения графа де Шамбора о децентрализации подпитывались указом о реформе королевства, подготовленным в 1832 году герцогом Блакасом д'О, который планировал разделить Францию на девятнадцать частей, каждая из которых объединяла бы несколько департаментов. В письме, адресованном графу де Сен-При, граф де Шамбор предусматривал «реформу несправедливых законов, которые... лишают наиболее необходимых прав и свобод путем преувеличения административной централизации общин, городов, провинций и других различных объединений» [Chambord 1880, 70]. Граф де Шамбор посвятил восстановлению местных свобод два письма, первое из которых было опубликовано в 1862 году, а второе – в 1865. Внимательное чтение этих писем, кажется, снова свидетельствует о вероятном влиянии Алексиса де Токвиля, чьи размышления по этому поводу во многом схожи с размышлениями графа.

В первом письме граф предложил «в значительной степени децентрализовать администрацию, но постепенно и осторожно, не лишая ее инициативы и безопасности, которыми она обязана опеке государства... Необходимо расширять и предоставлять каждому возможность быть полезным, посвящая себя в соответствии со своими способностями управлению общими интересами, обеспе-

чивать распределение положений в обществе по способностям и заслугам, поддерживать постоянным соперничеством подражание самоотверженности, уму и активности в открытой для всех карьере. Таким образом, придя к достижению этого влияния и различий, увековеченных оказываемыми услугами, возникнет то, чем мы сможем законно гарантировать децентрализацию... Призывая всех французов более или менее заботиться о своих интересах в своих муниципалитетах, кантонах и департаментах, мы скоро увидим формирование большого штата сотрудников, которые объединят свою независимость и честность с практическим опытом в делах» [Chambord 1880, 217].

Эти местные свободы, как и профессиональные союзы, воссоздание которых предложил граф, свидетельствовали о его намерении вернуть обществу его естественную жизнеспособность, атрофированную стремлениями революционного государства поглотить общество, дать ему его сущность и собственное лицо и управлять всеми проявлениями социальной жизни. Ученикам Руссо, утверждающим, что все существует только посредством закона, «выражения общей воли», и что ничего не существует вне закона, граф де Шамбор ответил, что общество существует естественным образом, что государство необходимо уважать, обеспечивая верховенство справедливости и мира.

Эти местные свободы формировали систему представительства, придуманную графом де Шамбором. Она основывалась на «честном соблюдении всеобщего избирательного права» и обеспечивалась отбором людей знатного происхождения, имевших прогрессивный опыт работы в местных органах. Эта система имела определенное сходство с системой, установленной папой Пием IX в Папской области в начале 1850-х годов.

Таким образом, муниципальные советники избирались бы всеобщим голосованием и, в свою очередь, избирали бы провинциальных советников, ответственных за управление делами вышеупомянутых девятнадцати провинций. Эти провинциальные советники также, в свою очередь, избирали бы депутатов, призванных обсуждать государственные вопросы. Таким образом, всеобщее избирательное право было бы ограничено трехступенчатой электоральной структурой, позволяющей консультироваться с каждым членом по компетентным вопросам, обучать исполнению обязанностей и делать выбор на основе опыта и заслуг. Знатные люди призывались бы к более высокой ответственности, сохраняя при этом влияние интеллектуальных кружков, которые с 1789 года не раз отклоняли принятие всеобщего избирательного права, подменяя конкретные ожидания французов своими идеологическими замыслами.

«Вместе нам предстоит большая работа. Я готов, абсолютно готов взяться за дело: с завтрашнего дня, с этого вечера, с этого момента. Вот почему я хочу полностью оставаться тем, кем являюсь», — сказал он в своем письме Шарлю Шеснелону [Chambord 1880, 305]. Но графа де Шамбора не услышали. Он ожидал, что французы примут его с распростертыми объятиями: «Франция увидит конец своих испытаний, когда захочет это понять. Я — тот лоцман, способный привести корабль в порт, потому что у меня для этого есть миссия и полномочия», — добавил он в Манифесте от 5 июля 1874 года [Chambord 1880, 307]. В этом отношении Людовик XVI, Карл X и даже Луи-Филипп — прежде Бурбоны, чем граждане, — учили нас, что король не расстреливает свой народ и предпочитает жертвовать своей короной, а не жертвовать людьми ради сохранения своего трона. Как писал Ипполит де Виллемессан в «Фигаро»: «Король никогда ничего не замыслит и никогда не согласится навязать себя Франции. Поэтому он с подобающим ему достоинством будет ждать того дня, когда его призовет страна» [Les manifestes... 1871, 34].

Граф никогда не намеревался навязать свою волю французскому народу, принудить его к легитимности, используя средства, противоречащие ее принципам. Контрреволюция — это не белая революция, а противоположность революции. Здесь нельзя управлять с помощью революционных методов, таких как бунт, ложь, государственный переворот и преступление. Она требует использования средств, которым учит христианская мораль. Следуя примеру Христа, который предлагает свою любовь людям, но отказывается заставить их любить его, потому что принуждение уничтожит эту любовь, граф де Шамбор предложил французам присоединиться к нему, отказавшись не только от сделок, но и от принуждения, потому что в его представлении восстановление традиционной королевской власти должно было основываться на согласии между принцем и его народом, на принципе взаимности обязательств, чего требует свобода. Будучи антилибералом, граф де Шамбор гораздо более уважительно относился к свободе других, чем сами либералы. Помимо провала реставрации, граф де Шамбор, по крайней мере, сохранил наследие королевской власти и ее неприкосновенность, просвещая свой народ о смысле христианской королевской власти и выковывая для будущего каркас последовательной контрреволюционной доктрины.

После смерти графа Поль де Кассаньяк, депутат-бонапартист от департамента Жер, вспоминал: «Фигура графа де Шамбора была знатная, внушительная, и не будет преувеличением сказать,

что мы им горячо восхищались... Этот человек никогда не был в изгнании. Он был великим королем, более великим, чем многие из тех, кому удалось занять трон. Он правил без короны и без королевства... Его упрекали в нерешительности. Какая горькая насмешка... По правде говоря, ему предлагали престол, но на неприемлемых условиях... Для дерзкого беарнца Париж стоил мессы. Для графа де Шамбора корона никогда не стояла подлости» [Nouvion, Landrodie 1884, 347].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аврелий Августин 2016 – *Аврелий Августин*. О граде Божием: Ч. IV. Кн. 19–22. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Broglie 1938 – *Broglie A., duc de*. Mémoires. T. I. – Paris: Calmann-Lévy, 1938.

Chambord 1880 – *Chambord H., comte de*. Etude politique: correspondance de 1841 à 1879. – Geneve: Grosset et Trembley, 1880.

Chambord 2009 – *Chambord H., comte de*. Journal (1846–1883). Carnets inédits. – Paris: F.-X. de Guibert, 2009.

Chambord 2013 – *Chambord H., comte de*. Lettres et écrits politiques du comte de Chambord. – Clermont-Ferrand: Paléo, 2013.

Dubosc de Pesquidoux – *Dubosc de Pesquidoux L.* Le comte de Chambord d'après lui-même : étude politique et historique. – Paris : V. Palmé, 1887.

Les manifestes... 1871 – Les manifestes du comte de Chambord et la presse parisienne / publiées par Georges d'Heylli. – Paris: Librairie des bibliophiles, 1871.

Maurain 1930 – *Maurain J.* La politique ecclésiastique du Second Empire de 1852 à 1869. – Paris: Félix Alcan, 1930.

Nouvion, Landrodie 1884 – *Nouvion G. de, Landrodie E.* Le Comte de Chambord (1820–1883). – Paris: Jouvet et Cie, 1884.

Pichot-Bravard 2015 – *Pichot-Bravard P.* La réception du Syllabus en France // Divinitas. Rivista internazionale di ricerca e di critica teologica. 2015. Anno LVIII. Numero unico. P. 397–418.

Pichot-Bravard 2017 – *Pichot-Bravard P.* Progrès, Lumières et Révolution // Vu de Haut. 2017. N° 23. P. 7–25.

Rials 1987 – *Rials S.* Révolution et Contre-Révolution au XIXe siècle. – Paris: Albatros, 1987.

Rouvillois 1996 – *Rouvillois F.* L'invention du progrès. – Paris: Kimé, 1996.

Sauvé 1887 – *Sauvé H.* Questions religieuses et sociales de notre temps. – Paris: Société générale de librairie catholique; Laval: Chailland, 1887.

Tocqueville 1893 – *Tocqueville A. de*. Souvenirs. – Paris: Calmann-Lévy, 1893.

Tocqueville 1951 – *Tocqueville A. de*. Œuvres, papiers et correspondances: Ecrits et discours politiques. Vol. 3. – Paris: Gallimard, 1951.

Viguerie 1998 – *Viguerie J. de*. Les Deux Patries. – Poitiers: DMM, 1998.

REFERENCES

Aurelius Augustine (2016) *The City of God* (Vol. 4, Books 19–22). Moscow: Direkt-Media (Russian translation).

Broglie A., duc de. (1938) *Mémoires* (Vol. 1). Paris: Calmann-Lévy (in French).

Chambord H., comte de. (1880) *Etude politique: correspondance de 1841 à 1879*. Geneve: Grosset et Trembley (in French).

Chambord H., comte de. (2009) *Journal (1846–1883). Carnets inédits*. Paris: F.-X. de Guibert (in French).

Chambord H., comte de. (2013) *Lettres et écrits politiques du comte de Chambord*. Clermont-Ferrand: Paléo (in French).

d'Heylli G. (Comp.) (1871) *Les manifestes du comte de Chambord et la presse parisienne*. Paris: Librairie des bibliophiles (in French).

Dubosc de Pesquidoux L. (1887) *Le comte de Chambord d'après lui-même: étude politique et historique*. Paris : V. Palmé (in French).

Maurain J. (1930) *La politique ecclésiastique du Second Empire de 1852 à 1869*. Paris: Félix Alcan (in French).

Novuvion G. de & Landrodie E. (1884) *Le Comte de Chambord (1820–1883)*. Paris: Jouvett et Cie (in French).

Pichot-Bravard P. (2017) Progrès, Lumières et Révolution. *Vu de Haut*. Vol. 23, pp. 7–25 (in French).

Pichot-Bravard P. (2015) La réception du Syllabus en France. *Divinitas. Rivista internazionale di ricerca e di critica teologica*. Vol. 58, special issue, pp. 397–418 (in French)

Rials S. (1987) *Révolution et Contre-Révolution au XIXe siècle*. Paris: Albatros (in French).

Rouvillois F. (1996) *L'invention du progrès*. Paris: Kimé (in French).

Sauvé H. (1887) *Questions religieuses et sociales de notre temps*. Paris: Société générale de librairie catholique; Laval: Chailland (in French).

Tocqueville A. de. (1893) *Souvenirs*. Paris: Calmann-Lévy (in French).

Tocqueville A. de (1951) *Œuvres, papiers et correspondances: Ecrits et discours politiques* (Vol. 3). Paris: Gallimard (in French).

Viguerie J. de. (1998) *Les Deux Patries*. Poitiers: DMM (in French).